

ЖЮЛЬ ВЕРН — писатель теплый, домашний, волшебный, писатель из страны детства. Любовь к нему в зрелые годы сохраняется еще и потому, что имя это в воспоминаниях переплетается с порой сладкой безмятежности. Впрочем, это взрослые наречия детства безмятежным, а ведь оно не в меньшей степени, чем мужская и женская жизнь, и даже в более острой степени, заполнено страстями. Страсти эти с высот зрелости кажутся смешными: зовут тропические джунгли, манят белые паруса, влекут таинственные пещеры, зовут, манят, влекут умные, смелые, добрые люди. Надо идти, плыть, лететь. Надо искать, защищать, спасать. Надо непременно думать, принимать решения и совершать — что же тут маленького и смешного? И разве во взрослой жизни, оставив в прошлом монгольферы, крокодилы и пиратов, не должны мы все это уметь? Ведь в том, что в зрелости мы редко открываем книги Жюль Верна, — не вина этого замечательного писателя, а наша беда. И спасибо памяти — достает еще ума приберечь старую книжку для сына или дочки. Память уже не хранит иностранные имена, географические координаты и такелажную терминологию, но сохраняет ощущение. Сохраняет до самой смерти.

«Таинственного острова» — Я. Г.) — не первоначальное накопление Робинзона Крузо, это творческое преобразование косной природы, это вся история цивилизации, но на более высокой ступени идеальности человеческого общества... Нужно было поистине огненное перо, чтобы перенести из реальной жизни в книгу романтику кирки и мотыги, красота угля и металла, пафос победы над природой.

Вот вам и «роман о химии»...
ГРАЖДАНСКАЯ война в США, а точнее, как писали тогда: в САСШ — Северо-Американских Соединенных Штатах. Нескольким отважным северян, борцов с рабством, бегут из плена южан на воздушном шаре: инженер со слугой негром, журналист, моряк и усыновленный им юноша. Дырявый баллон теряет подъемную силу, и беглецы вынуждены выбросить из пассажирской корзины не только балласт, но и все самое необходимое, личные вещи, пустяки из карманов, наконец, отрезать саму корзину. Висят, ухватившись за сетку, над ревущей океанской бездной. У юного читателя болит душа: спасутся ли? Читатель взрослый понимает: не может автор погубить героев, ведь роман только начинается. Спасение приходит, когда надежд на спасение нет: их выбрасыва-

гальванические элементы — создают телеграф! В дневниках французского писателя Жюль Верна есть запись о 20 книгах, «которые следует взять с собой на необитаемый остров». Под номером 17 значится: «Том Жюль Верна». Брать надо было бы, конечно, «Таинственный остров». Для пленников необитаемого клочка суши эта книга была бы, как боржурнал для космонавтов: в ней с продуманной последовательностью записано все, что надо делать. В «Таинственном острове» нет ничего фантастического, если не считать «Наутилуса» капитана Немо, который приплыл сюда из романа «20 тысяч лье под водой». «Таинственный остров» — роман декларативно приземленный. В нем много приключений, сюжет закручен, как всегда, крепко, но это не главное. Главное: смотрите, что может человек! Не только выжить может, но и жить счастливо.

ХОЧУ поделиться личными переживаниями. Сейчас я читал Жюль Верна, разумеется, другими глазами, чем в четвертом классе. И прочитанное вызвало другие мысли. Я закончил десятилетку в столице, а затем МВТУ имени Баумана — один из лучших вузов страны. Меня учили сопратату, теории машин и механизмов, металловедению, гидродинамике, электро-

ревенские валенки, по всем показателям превосходящие фабричные колоды, которые пачкают ноги и гнутся хуже, чем лунный скафандр.
Жалуемся на молодежный инфантилизм. Одно из его проявлений — «безрукость». На станциях юных техников создаются фотонные звездолеты, но в массе умеют ли мальчишки держать рубанок, пилать, крышу на избе починить? С тревогой писал о «безрукости» в «Литературной газете» Аркадий Удальцов. Недавно в «Комсомольской правде» напечатал статью о русской печи Василий Песков. Оказывается, не так много осталось умельцев, способных грамотно сложить печку. Несостоявшиеся потенциальные печники работают на ТЭЦ, тянут газопроводы, это — престижнее, об этом — фотографии в газетах...

Эта куда завели нас размышления об инженере Сайресе Смита...

В ПЕРВЫЕ в истории литературы, превратив «Знание в главного героя, сделал пути науки и техники основными сюжетными линиями, создав неведомые роману XIX века образы ученых, изобретателей, инженеров, натуралистов, Жюль Верн по праву считается одним из великих литературных реформаторов. Современники не сразу это поняли, говорили о поисках юношеского жанра, о детской занимательности, упирал не на цель творчества, а на средства ее достижения. Понял Толстой. «Романы Жюль Верна превосходны, — говорил он. — Я их читал совсем взрослым и все-таки помню, они меня восхищали...». Горький настаивал, чтобы Верна переводили и издавали без редактуры и сокращений, как классика.

Романы французского писателя, по общему признанию исследователей его творчества разных стран, пробудили творческую мысль многих выдающихся деятелей науки и техники. Да они и сами часто признавались в этом. Менделеев называл Верна «научным гением». Умирая, просил читать ему «Приключения капитана Гаттераса». Циолковский писал: «Не помню хорошо, как мне пришлось в голову сделать вычисления, относящиеся к ракете. Мне кажется, первые семена мысли заронены были известным фантазером Ж. Верном...» О своем восхищении творчеством Жюль Верна и влиянии его книг на свою работу говорили русский геолог академик Обручев, бразильский авиатор и стрелок дирижаблей Сантос-Дюмон, американский конструктор подводных лодок Лейк, итальянский радиотехник Маркони, норвежский путешественник Нансен, французский спелеолог Кастере — перечислять можно бесконечно.

В то же время именно натуралисты и изобретатели подвергали самой язвительной критике произведения Верна. Без конца подавляли его на неточностях то в подводной лодке, то в лунном снаряжении, упрекали, словно Верн не романы писал, а в КБ работал. Досталось и «Таинственному острову». Возможно ли такое минералогическое разнообразие на острове вулканического происхождения, да еще в верхних осадочных породах? Где это видно, чтобы на маленьком острове жили орангутанги, ягуары, кенгуру, коалы, кабаны, онагры, бараны, тетерева, глухари, — просто не остров, а Ноев ковчег! Нет таких островов на земном шаре!

Островов нет, а шар — есть, и писатель превращает остров в его символ. Все богатства планеты отдаст он капле человечества — горстке трудолюбивых людей, которые работают для себя, работают с радостью, не ведая никаких правовых запретов, не испытывая никакой эксплуатации. Дословный (если это разрешается) перевод фамилии Смит — Кузнецов. Это самая распространенная в мире английского языка фамилия, как Кузнецов — самая распространенная фамилия в России. В этом тоже символ: Смитов много, им, опытным и знающим кузнецам богатств человеческих, принадлежит будущее.

В самом конце романа спасенные герои организуют трудовую общину, переносят островной опыт жизни и труда в штат Айова. Во времена Жюль Верна утопист Этьенн Кабе предпринимал попытки создать такие поселения свободных труженников в США. Попытки остались безуспешными, поселенцев заглатывал капитализм. И Верн знал об этом. Однако нас, пусть скороговоркой, на одной страничке, убеждал: все хорошо, «колония процветала... Все жили в такой же дружбе, как и прежде, и были, наконец, счастливы...» Видно, очень ему хотелось, чтобы было так, звал: попробуйте, может быть, получится...

Слава этого писателя неуклонно растет, люди любят его за человечность и фантазию, за доброту. По числу переводов Верн занимает третье место в мире, после В. И. Ленина и В. Шекспира. Приятно отметить, что больше всего его книг напечатано на русском языке. Общий тираж произведений Жюль Верна, изданных в СССР, превышает 29 миллионов экземпляров.

Верн умер от диабета в 1905 году. Ему было 77 лет. Памятник на могиле писателя называется «К вечной юности». Мраморный Жюль Верн поднят плечами могильную плиту, вся фигура устремлена вверх...
К звездам?
К счастью?
Я. ГОЛОВАНОВ.

«ТАИНСВЕННЫЙ ОСТРОВ»

ВЕЧНАЯ КНИГА

ВЕРН давно примеривался к робинзонаде. Вновь и вновь начинал и снова бросал — не получалось, не то получалось. Понимал, что герой великой книги Дефо — выдумка. Знал, был реальный Робинзон Крузо — Александр Селькирк, и судьба его была совсем другой. В 1704 году этого английского моряка за оскорбление капитана высадили на необитаемый остров Хуан-Фернандес неподалеку от берегов Чили. Ему оставили ружье, фунт пороха, свинец для пуль, топор, котелок, нож, пачку табаку и библию. Выдуманный Робинзон Дефо был ненамного богаче, но реальный Селькирк не построил хижины, не приручил козу, не научил говорить попугая. Деградировал стремительно, скатился в полную дикость. Мохнатый человек научился ловить на бегу коз, но говорить разучился, хотя прожил на острове меньше пяти лет. В мир людей его вернул пират Вуд Роджерс. Верн ясно представлял себе, что в одиночестве человек теряет человеческое. Тогда, может быть, написать вариацию «Швейцарского Робинзона»?

В школьные годы в старом книжном шкафу мы с приятелем нашли эту книжку, написанную швейцарским писателем Иоганном-Рудольфом Висом до рождения Верна — в 1812 году. Там на необитаемом острове попадает целая семья: папа, мама и многочисленные дети, все, однако, уже не малыши, самостоятельные, энергичные подростки. Сколь нетребовательными читателями были мы тогда, но все-таки помню, что идилическое существование этого семейства, окруженного неизменно плодородной природой, вместо положенной зависти вызвало иронию. Робинзон был неправдой, швейцарские робинзоны — полуправдой, Верн искал правду. Не нашел. Его «Дядя Робинзон», написанный еще в совсем молодые годы, — роман неудачный, вялый, сладкий. 38-летний Верн переписывает его, через четыре года в письме к другу снова отмечает, что «полностью переписал первый том «Дядя Робинзона», обещает закончить всю рукопись через шесть недель, но увязает в исправлениях.

Ему приходит в голову замечательная мысль: надо протянуть и перевязать в новом романе сюжетные нити двух других, ранее написанных и до того никак друг с другом не связанных. Там есть недоговорки, «Дети капитана Гранта» и «20 тысяч лье под водой» требуют продолжения. Надо решить судьбу предателя Айртонна, злого гения экспедиции лорда Гленарвана, и объяснить, кто же скрывается в океанских глубинах под псевдонимом капитана Немо. И вот уже не на недели — на месяцы и годы идет счет. Понимает ли он, что пишет одну из главных книг своей жизни, вечную книгу? Нет, наверно. В феврале 1872 года в письме издателю Этцелю Верн пишет: «Я полностью занял «Робинзоном», или, вернее, «Таинственным островом». До сих пор все идет как по маслу, хотя, надо сказать, немало времени приходится проводить с профессорами химии и на химических заводах. На моей одежде нередко остаются пятна, которые я отнесу на Ваш счет, потому что «Таинственный остров» будет романом о химии». Не понимал, не представлял, что вовсе не о химии пишет он роман.

Писатель Кирилл Андреев, много лет отдавший исследованию жизни и творчества Жюль Верна, автор лучшей русской книги о нем («Три жизни Жюль Верна»), писал о «Таинственном острове»: «Роман Жюль Верна — это подлинный гимн вдохновенному труду, быть может самый высокий во всей литературе XIX века. Труд их (героев

ет на необитаемый остров. Начинается робинзонада, так не похожая на «Робинзона»...

Согласно законам, открытым современной социальной психологией, в маленьком группе быстро определяется лидер. Впрочем, он и не думает самоутверждаться — его первенство сразу признается бесспорно и однозначно. Первенство в чем? Ведь моряк сильный, выносливый. Журналист наблюдательнее и стрелок лучше всех. Первенство лидера — инженера Сайреса Смита — в знании. Он много знает и умеет — это, по мнению Жюль Верна, основной критерий, определяющий человеческую ценность. В разуме организованном обществе такой человек не то что может, а обязан руководить другими людьми.

Сегодня, став массовой профессией инженера, конечно, в какой-то мере утеряла былую престижность. Во времена Жюль Верна инженер — это был Инженер! Почти волшебник! Прототип Сайреса Смита, разумеется, не Александр Селькирк, а Сайрес Филд. В 1867 году Верн предпринял самое большое и самое важное для него, как для писателя, путешествие. На огромном корабле (почти 19 тысяч тонн — это и сегодня большой корабль) «Грейт Истерн» он пересек Атлантику. Пятирубный шестимачтовый был воистину чудом техники — роскошным плавающим городом, в котором жило три тысячи человек. Корабль проплыл так, что сумел разместить в своих трюмах 3400 километров кабеля и позволил инженеру Сайресу Филду после десяти лет неудач проложить, наконец, в 1866 году между Старым и Новым Светом телеграфный кабель. То было выдающимся техническим достижением XIX века. Верн не мог не восхищаться им и, конечно, был увлечен личностью Филда, у которого на борту «Грейт Истерн» он взял интервью. Всесокрушающей энергией и энциклопедическими знаниями Филда он наделил своего Смита, сделал их тезками.

В считанные годы пребывания на острове голые и ничие поседенцы под руководством Смита засевают поля и огороды, возводят фермы, стригут шерсть, строят сначала плут, потом суденышко, плавающее по океану. От удочки для охоты на птиц и носилок для больного идут к гончарному кругу и плавильной печи. Не только металл плавят — из жира дюгона добывают глицерин, из водорослей — соду, мыло варяют! Тянут проволоку, собирают

технике и другим премудростям. Я работал на всех станках, плавил металл, занимаясь сваркой, слесарил. Коротче, получил великолепное техническое образование и, таким образом, являюсь коллегой Сайреса Смита. Разделяющее нас столетие должно, казалось бы, гарантировать мое превосходство в знаниях и опыте. Что было бы, если бы я попал на таинственный остров вместо Смита? Ну лифт мы с грехом пополам построили бы. Может быть (хотя вряд ли), додумался бы до увеличительной линзы из двух стеклышек от часов. Но сумел бы я выплавить металл, получить порох, сварить мыло, изготовить из шерсти муфлоню пусть самую примитивную и грубую одежду? Честно сказать, не сумел бы. Нашел бы железную руду по рыжему цвету, по тяжести ее камней, а что с ней дальше делать? На ум приходило не дела, а слова: «обогащение», «флотация», «флюсы», «шихта». Как «обогащать»? Что за «флюсы»? Я знаю, что в состав пороха входит селитра, но не знаю, как она выглядит. Совершенно не представляю, как сварить мыло. Пусть я плохой инженер, но я задавал эти вопросы хорошим, действительно знающим, «остепененным». Они принимались рассуждать, объяснять, но все это было не живое, а книжное знание, мыло они тоже не сварили бы.

Мне могут возразить: у нашего современника мало шансов попасть на необитаемый остров. Так зачем же мы варить мыло, коли есть мушкетерная промышленность? И, конечно же, хорошо, что не учат детей изготавливать порох, — с учетом детского фантазии мы могли бы недосчитаться многих промышленных и культурных сооружений. Да и зачем на дому валять шерсть? Не есть ли все сказанное — скрытый призыв к натуральному хозяйству?

Все правильно. Но человек — создатель по природе. Труд сделал его человеком и дальше доделывать будет. Политехническое образование — нужное, полезное дело. Но не абстрактно политехническое, а конкретно политехническое. Мне кажется, не надо учить плавить чугуна «в общих чертах». Надо или действительно плавить, или не засорять юный мозг незавершенными полусведениями, пусть останется место для завершающих. Муфлонов у нас нет, и учиться грубую шерстяную одежду вряд ли нужно, но замечательно, если бы на селе учили валять валенки, теплые, мягкие де-